

Несомненная ценность рецензируемого сборника состоит в том, что в нем представлены взгляды ведущих российских лингвистов, входящих в проблемную группу Логический анализ языка, которая успешно исследует многочисленные проблемы семантики естественного языка, в данном случае привлекая внимание широкого круга филологов к чрезвычайно сложной теме семантики *начала и конца*

Пятьдесят три статьи издания могут быть разделены на две большие группы. Первая включает материалы, которые посвящены смыслам (языковым значениям) *начала и конца* и представлены в разделах Семантика и идиоматика *начала и конца*, Грамматика *начала и конца*, Знаки *начала и конца*. В статьях второй группы, которые объединены в разделы Поэтика *начала и конца*

Начало и конец в контексте разных культур, Философия конечного и бесконечного, рассматриваются поэтические, фольклорные, культурные, религиозные и философские концепты *начала и конца*

Читатель сборника найдет множество интересных идей о семантике *начала и конца*, которые невозможно полностью охватить в журнальной рецензии, и поэтому остановимся на тех, которые касаются статуса семантики *начала и конца*, подходов к ее исследованию, а также средств ее языковой и дискурсивной реализации

Общий обзор логических предпосылок формирования семантики *начала и конца* в ее отношении к идее *целого* дан во вступлении (Н Д Арутюнова ВСТУПЛЕНИЕ В целом о целом Время и пространство в концептуализации действительности) Редактор сборника обращает внимание читателя на первичность одного нерасчлененного понятия *конца-начала* или *концов* (с 4), различия между пределом в контекстах прост-

ранства и времени (с 5–6) а также проследит связь формирования семантики *начала и конца* с движением вообще и путешествием в частности (с 8–9) относима к условиям дифференциации *начала и конца* парность, наличие линии (расстояния) между двумя границами (точками) и неизменность ее ориентации (направления) – (с 10)

Представляется, что отмеченная во вступлении изначальная синкретичность понятий *начала и конца* сохраняется в энантиосемии, наблюдаемой в этимологии и истории слов со значением *начала и конца* и отчасти в современных языках Особенности проявления данного явления продемонстрированы на примерах глаголов *заключать* (*заключать сообщение и заключать договор*) *исход* (*жем исхода дела и исходное положение*) и др в статье Н Б Мечковской «Концепты *начало и конец* тождество, антонимия асимметричность» (с 112) Нерасчлененность смыслов *начало и конец* также находит свое воплощение в явлении фазовой двусмысленности которое встречается в словах, обозначающих некоторые крайние пространственные объекты часто воспринимаемые человеком, в чем отражается влияние перцептивного фактора на формирование семантики *начала и конца* Примерами данного явления служат существительные *дверь* понимаемое как вход и выход, *берег*, трактуемое как место отплытия и причала и другие (С Ю Семенова К типологии фазовых компонентов коннотации и ассоциаций русских лексем – с 162)

Влияние закономерностей зрительного восприятия на семантику *начала и конца* учитывается многими авторами сборника Наиболее полно данную взаимосвязь характеризует Е В Падучева которая пишет У чело века есть перед и зад (лицо и спина), основные органы восприятия направлены вперед – че

ловек движется туда куда он смотрит Кроме того Конечная точка может выражать Цель движения целенаправленного субъекта и тогда это обязательный участник Так что Конечная точка как основной ориентир движения вытекает из природы человека Между тем существование Начальной точки обособивается скорее логически – если X стал на ходиться в Y е значит он был в не Y е (Деиктические компоненты в семантике глаголов движения – с 127) С учетом данного положения в статье непроизводные и приставочные глаголы движения дифференцируются по различной стратегии интерпретации синтаксического нуля связанного с позицией Наблюдателя По мнению автора у непроизводных глаголов нуль с большей вероятностью сливается с невыраженным участником (например исходная точка *отсюда* для словосочетания *идет в школу* и конечная точка *сюда* для фразы *идет из школы*) а при абсолютном употреблении приставочных глаголов Наблюдатель принимает позицию обязательного участника Соответственно у глаголов последней группы фиксирующих параметр Откуда? и имеющих обязательную валентность Исходной точки нуль значит отсюда (*я выиду*) а у глаголов с обязательным участником Куда? нуль имеет значение сюда (*воиду*) – (с 133)

Основываясь на положении о большей доступности восприятию конечной точки и концептуализации исходного пункта как замкнутого пространства за пределы которого перемещается объект (с 188) А Д Шмелев показывает что в сфере коммуникативно-обязательных валентностей русских приставочных глаголов движения начальный пункт представлен существенно менее разнообразно нежели конечный Согласно его данным трем исходным пунктам (поверхность ориентир для измерения расстояния область досягаемости) противопоставлено разнообразие конечных пунктов (закрытое пространство ориентир для приближения место по другую сторону препятствия труднодоступное место окказиональные конечный пункт обобщенно понимаемый конечный пункт для глаголов с приставкой *при*) (Из пункта А в пункт В – с 193)

Перцептивные принцип также используется для объяснения взаимодействия приставки *вы* с предлогом *в* которые выражают противоположную направленность движения к более открытому пространству в первом случае и замкнутому пространству во втором (с 253) С учетом большей доступности для восприятия открытого пространства основу ситуации задает приставка а смысл

вводимый предложной группой включается в эту модель (М В Филипенко О совместимости начал и концов или сочетаемость глагольной приставки *вы* и предлога *в* – с 264)

Отсутствие перцептивных истоков у семантики *начала* требует от человека дополнительных мыслительных усилий для идентификации этой составляющей оппозиции а поэтому по мысли И Б Шатуновского невидимым началом действия может быть самостойательно возникший в уме (душе) субъекта действия волевой импульс выбор совершить действие (с 267) Основываясь на данном положении автор показывает что в русском языке императив совершенного вида (в его ограничительной пердуративной результативной разновидности) выражает побуждение к осуществлению цепочки действий в целом которая включает начало совершение и окончание а императив несовершенного вида ограничивается серединой неопределенной длительной фазой собственно действия (Несовершенный vs совершенный вид в императиве (к проблеме начала) – с 271)

О формировании семантики *начало* и *конца* не только под влиянием процессов восприятия но и в связи с более широким контекстом жизнедеятельности групп людей свидетельствует наличие оттенков значения у лексических единиц в разные периоды их развития например существование в древнегреческом и латыни разных слов для обозначения конца в пространстве и конца во времени (Н Б Мечковская с 119)

Для анализа грамматически ориентированных единиц языка с которыми невозможно обращаться как со словами принадлежащими к трем основным частям речи (существительным глаголам прилагательным Н В Перцов с 137) авторы сборника применяют шкалы Использование данного инструмента анализа объясняется статусом шкалы как смыслового конструкта представленного в психике субъекта на уровне глубинных структур образа мира [Леонтьев 1999 217] а также сенсомоторными истоками ее формирования в сознании человека [Johnson 1987 123] что позволяет подняться над чувственным опытом полностью не порывая с ним В пользу применения скалярной методики которая учитывает процессы ориентации человека в окружающем пространстве служат представленные в сборнике данные о том что исторически оппозиция *начало* и *конец* была первой системой координат сложившейся в индоевропейской древности одновременно с начальными представлениями о количествах первыми счетными словами

противопоставлениями правый – левый и верх – низ (Н Б Мечковская с 109) а также идея о том что при описании семантики *начала* и *конца* способ анализа напрямую вряд ли применим так как трудно представить набор слотов фрейма (или этапов сценария) НАЧАЛА вообще или КОНЦА вообще (А Н Баранов Д О Добровольский < Начало и конец в русской идиоматике> – с 27) Авторы сборника используют шкалы для описания значения прилагательного *последний* (Н Ф Спиридонова От начала к концу семантика прилагательного *последний* – с 169) квантора общности *все* (Н Д Арутюнова Все про все (по текстам Ф М Достоевского) – с 384) а также семантики частиц *уже* и *еще* которая связывается с временной координатой (В М Труб Темпоральные частицы как знаки начала и конца ситуации – с 346) или с абстрактной ориентированной шкалой где *уже* указывает на начало ситуации а *еще* на ее окончание (Н В Перцов О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *еще* – с 140) Представляется что данные статьи свидетельствуют о формировании ориентационной методики анализа семантики *начала* и *конца* с применением системы координат состоящей из шкал линии которые не обязательно должны быть прямыми (Н Д Арутюнова с 7)

Тесную связь семантики *начала* и *конца* с пределами человеческого восприятия и системой координат как конструктом сознания проявляют религиозные концепты которые формируются в условиях при которых человек не знает и не чувствует своего физиологического начала но способен ощущать и осознавать свой конец (С Е Никитина О *начале* и *конце* *первом* и *последнем* в русском религиозном фольклоре – с 584) По этому в религиозном дискурсе тварное связывается с *началом* и *концом* а духовное как недоступное восприятию представлено не имеющим ни начала ни конца В статьях посвященных религиозным концептам показано что согласно Новому Завету физическая жизнь имеет естественный предел а духовная жизнь то есть жизнь во Христе вечна (Е Б Яковенко Жизнь *начала* и *конца* (на материале английских и немецких переводов Библии) – с 534) Вечен также Господь Бог который – над *началом* и *концом* *сверх* *начала* и *сверх* *конца* (А В Жавнерович «Дихотомии *первого*–*последнего* *начала* *конца* в святоотеческой традиции» – с 602) В православном мирозерцании концепты *начала* и *конец* рассматриваются как своеобразные координаты ибо с их помощью пред-

ставляют апофатически (путем отрицания) или катафатически (путем утверждения) пределы и основания реальности (Божественной и Боготварной) в ее динамике в трансцендентной и имманентной перспективе (В И Поставалова *Начало* и *конец* в православном мирозерцании – с 615)

Многие авторы данного издания рассматривают *начало* и *конец* как системообразующие смыслы используя их для объяснения абстрактных значений языка удаленных от процессов непосредственного восприятия Так В Г Гак относит *конец* к семантическим примитивам (Семантическое поле *конца* – с 51) С Ю Семенова более осторожна и пишет лишь о близости *начала* и *конца* к примитивам указывая на возможность построения для них толкований основанных на более элементарной идее смены состояний в разные моменты времени хотя в таких словах довлеет единственный собственно начальный (или противоположный ему) компонент (с 155) С данным направлением анализа связана трактовка лексем *начало* и *конец* как универсальных слов культуры (Ю Д Тильман *Начало* и *конец* в художественном мире Тютчева – с 491)

Наиболее весомым доказательством плодотворности использования смыслов *начало* и *конец* для анализа более сложных значений языка является пример аспектологии в которой содержание самих этих понятий предпологается очевидным и не требующим дальнейшего анализа (А А Зализняк и А Д Шмелев Семантика *начала* с аспектологической точки зрения – с 211) В статьях сборника *начало* и *конец* как системообразующие смыслы использованы для объяснения значения союза *а* сигнализирующего что второе из сочиненных предложений начинает свою собственную тему (Е В Урысон «Союз *А* как сигнал поворота повествования» – с 350) а также при анализе причинно следственной и целевой лексики (О Ю Богуславская И Б Левонтина Подведение итогов в русском языке – с 41) Авторы указанной статьи показывают что причинно следственная лексика сокровенным образом связана с понятиями *начала* и *конца* причина ассоциируется с *началом* а цель – с *концом* совпадающая в себе идею *конца* как планируемого результата и *начала* как побуждающего к действию мотива В статье разграничиваются четыре метафоры используемые для выражения идеи результата в русском языке – органическая (*плод*) динамическая (*выход* *исход*) акциональная (*действие* *эффект*) и счетная (*итог* *результат*) а также демонстрируется что за последние двести лет

счетная метафора почти полностью вытеснила органическую, а динамическая метафора была и остается на периферии.

Как семантические примитивы смыслы *начало* и *конец* использованы для построения поля начала и конца, охватывающего слова *начинать, зачинать, кончать, начало, конец, новый, старый, прежний, старопрежний, первый, последний* (Е.Ю. Кукушкина. "Первое и последнее в причитаниях" – с. 564), к которому могут быть отнесены единицы, рассматриваемые другими авторами, например, глаголы *открыть/открываться, начать/начаться*, обозначающие начало функционирования (В.И. Гаврилова. "Семантика 'начала' в спектре значений глаголов *открыть/открываться, раскрыть/раскрыться*" – с. 201).

В результате анализа метафорического использования смыслов *начало* и *конец* установлено, что последний ассоциируется с идеями *успеха, неудачи, смерти* (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, с. 28), а описанию отношения между *концом* и *смертью* посвящено несколько статей сборника. Их авторы показывают, что данная связь существовала уже в старославянском языке (В.А. Матвеев. "Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка)" – с. 102), встречается практически у каждого из поэтов первой трети XX века (В.П. Григорьева, Л.И. Колодзяная, Л.Л. Шестакова. «Статьи **НАЧАЛО** и **КОНЕЦ** в "Словаре языка русской поэзии XX века"» – с. 406), а также является ключевой и частотной у И. Бродского (З.Ю. Петрова. "Семантика 'начала' и 'конца' в двух поэтических диалогиях (Б. Окуджава и И. Бродский)" – с. 464). В свою очередь концепт *умереть* привлекается для объяснения семантики прилагательного *ветхий*, которое имеет значение "почти умерший" (Н.В. Злыднева. "Мотив *ветхости* у А. Платонова: между концом и началом" – с. 413).

Смыслы *конец* и *последний* также связывают с предикатами разъятия, разрушения, отделения (С.Е. Никитина, с. 584), глубинные отношения между которыми обнаружены при анализе отдельного стихотворения (Л.Г. Панова. «Семантика начала–конца, создания–разрушения, памяти–беспамятства в стихотворении О. Мандельштама "Нашедший подкову"» – с. 443). Однако при описании метафорического использования смыслов *начало* и *конец* открытым остается вопрос о направленности данного процесса: от конкретных значений смерти, разрушения и подобных к более абстрактным понятиям *начала* и *конца*, что характерно для архаичных мифопоэтических представлений [Топоров

1996: 8], или наоборот, хотя нельзя исключать третьей возможности, связанной с формированием промежуточных смыслов.

Статьи сборника описывают конкретные случаи применения концептов *начала* и *конца* для организации текста и дискурса, в чем проявляется их связь с темпоральным фактором, поскольку речь развивается во времени (Н.Д. Арутюнова, с. 17). Выявлено, что *начало* и *конец* образуют особые точки в заговоре (Е.В. Вельмезова. "Начало и конец в структуре и семантике чешских заговоров" – с. 537), занимают центральное место в организации текстов агитации, которые призывают читателя начать определенное действие, положить конец процессу, завершить начатое (С.В. Шешунова. "Семантика 'начала' и 'конца' в агитационных текстах" – с. 516), а несоответствие начала и конца составляет соль русских анекдотов, у которых нет середины (Е.Я. Шмелева. "Начало и конец русского анекдота" – с. 525). В статье М.Л. Ковшовой "У *попа* была собака: о лукавой поэтике докучных сказок" отсутствие начала и конца в докучной сказке объясняется ее созданием по законам циклического времени (с. 556).

Таким образом, знакомство со сборником дает основания для вывода о существовании нескольких направлений анализа семантики *начала* и *конца*. Данные смыслы соотносят с непосредственно воспринимаемой ситуацией и перцептивным опытом человека; со шкалами как ментальными конструктами, формирующимися под влиянием сенсомоторного опыта человека; рассматриваются как семантические примитивы и системообразующие смыслы, которые определяют значение абстрактных единиц языка и метафорических выражений; привлекаются для идентификации основных точек текста. Наблюдаемое разнообразие методик косвенным образом отражает многослойность семантики *начала* и *конца*, которую невозможно описать с помощью отдельно взятого метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Леонтьев 1999 – Д.А. Леонтьев. Психология смысла. М., 1999.
Топоров 1996 – В.Н. Топоров. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола "стоять", преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
Johnson 1987 – M. Johnson. The body in the mind. Chicago; London, 1987.

С.И. Потапенко